

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-384-397

УДК [811.161.1:811.133.1]’42:81’255:327.82

Научная статья / Research article

Трансформации языка дипломатической переписки стран Антанты и Германии перед началом Первой мировой войны

Е.Ю. Медведев¹, Л.Д. Нциву Батиако²

¹Международный университет информационных технологий
ул. Манаса, 34/1, Алматы, Казахстан, 050000

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

¹eugene_medvedev@mail.ru; ²ntsiwou@yandex.ru

Сферы официальной коммуникации, к числу которых относятся государственное управление, судопроизводство, законодательство и др., являются, в отличие от повседневного бытового общения, регламентированными. Деятельность в каждой из этих сфер подчинена точно определенным, строго установленным правилам, регулирующим и узаконивающим ее. Особой степенью регламентированности отличается дипломатический язык. «Цена слова» в сфере международной политики крайне высока, поскольку от успешной или неуспешной коммуникации дипломатов может зависеть судьба целых государств и народов. Жесткая стандартизованность дипломатического языка должна служить своего рода сдерживающим фактором, препятствующим росту напряженности в международных отношениях. Цель настоящей работы — выявить степень подверженности языка дипломатической переписки трансформациям в условиях политического кризиса (во время войны). Материалом исследования послужили тексты из «Оранжевой книги» — сборника дипломатической переписки между враждующими странами перед началом Первой мировой войны. Применение метода контекстуального анализа позволило определить вектор обусловленных политическим кризисом изменений языка дипломатической переписки: от принятых в дипломатической сфере сдержанности, безэмоциональности, такта и вежливости к ультимативности, категоричности, проявлению эмоций и отступлению от принципа объективного отражения происходящих событий.

Ключевые слова: политическая коммуникация, дипломатический язык, официально-деловой стиль, дипломатическая переписка, политический кризис, трансформации дипломатического языка

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2020

Дата приема в печать: 15.02.2020

© Медведев Е.Ю., Нциву Батиако Л.Д., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Медведев Е.Ю., Нциву Батиако Л.Д. Трансформации языка дипломатической переписки стран Антанты и Германии перед началом Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 384—397. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-384-397

UDK [811.161.1:811.133.1]42:81'255:327.82

Transformations of the Language of Diplomatic Correspondence between the Entente Countries and Germany before The First World War

Yevgeniy Yu. Medvedev¹, Lauzin Duborgel Ntsiwou Batiako²

¹International Information Technology University
34/1, Manasa street, Almaty, 050000, Kazakhstan

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

¹eugene_medvedev@mail.ru; ²ntsiwou@yandex.ru

The spheres of official communication, which include public administration, legal proceedings, legislation, etc., are regulated, in contrast to everyday communication. Activities in each of these spheres are subject to precisely defined, strictly established rules that regulate and legitimize it. The diplomatic language is characterized by a special degree of regulation. “The weight of a word” in international politics is extremely heavy, since the fate of entire states and peoples may depend on successful or unsuccessful communication between diplomats. The strict standardization of the diplomatic language should serve as a kind of deterrent against the growth of tension in international relations. The goal of this study is to identify the degree of susceptibility of the diplomatic correspondence language to transformations in the political crisis context (during wartime). The research material is based on the texts from the Orange book, a collection of diplomatic correspondence between warring countries before the outbreak of the First World War. The application of the contextual analysis method made it possible to determine the vector of changes in the diplomatic correspondence language caused by the political crisis: from restraint, emotionlessness, tact and politeness accepted in the diplomatic sphere to ultimatumness, categoricalness, manifestation of emotions and deviation from the principle of objective reflection of events.

Keywords: political communication, diplomatic language, official and business style, diplomatic correspondence, political crisis, transformations of diplomatic language

Article history:

Received: 01.02.2020

Accepted: 15.02.2020

For citation:

Medvedev, Ye.Yu. & Lauzin Duborgel Ntsiwou Batiako (2020). Transformations of the Language of Diplomatic Correspondence between the Entente Countries and Germany before The First World War. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 384—397. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-384-397

Введение

Язык дипломатии традиционно рассматривают как подстиль официально-делового стиля, внутри которого также выделяют собственно законодательный, административный, канцелярский подстили [1].

Официально-деловой стиль обслуживает сферы права, власти, администрации, коммерции внутри- и межгосударственных отношений [1].

Стилеобразующими чертами официально-делового стиля являются **точность**, не допускающая разночтений, которая обеспечивается, прежде всего, использованием специальной терминологии, и **стандартизованность**, проявляющаяся в активном употреблении устойчивых оборотов речи, клишированных фраз, наличии шаблонов построения текстов [2. С. 58].

В определении стилистического статуса дипломатического языка наблюдаются противоречия. Так, дипломатический подстиль, являясь субструктурой официально-делового стиля, обладает такими специфическими особенностями, как **точность описания фактов**, компактность, строгое соблюдение языковых норм, употребление международной терминологии, протокольных титулов и формул вежливости.

Одновременно отмечается сходство языка дипломатии с языком политической коммуникации, характерными признаками которого, по мнению Е.И. Шейгал, являются **смысловая неопределенность** (политик часто предпочитает высказывать свое мнение в максимально обобщенном виде), **фантомность** (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), **фидеистичность** (иррациональность, опора на подсознание), **эзотеричность** (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность [3. С. 63—66].

Дипломатический язык рассматривается исследователями с разных позиций:

— с точки зрения правового статуса (официальный, рабочий): «Язык, употребляемый при официальных дипломатических сношениях, переговорах, составлении дипломатических документов. Термин используется в дипломатии, где обозначает определенный правовой статус языка(ов) в соответствии с принятым международным законодательством» [4—6];

— с точки зрения языковых особенностей: «Совокупность выражений и терминов, входящих в общепринятый дипломатический лексикон» [5].

Известный английский дипломат конца XIX — начала XX вв. Гарольд Никольсон, труды которого в области международных отношений считаются классическими, под дипломатическим языком понимает «те сдержанные, осторожные фразы, которые позволяют дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи, не утрачивая такта и не проявляя неучтивости» [7. С. 270].

Г. Никольсон отмечает, что «посредством такого осторожного выражения оттенков смысла государственный деятель имеет возможность, не прибегая к прямым угрозам, сделать серьезное предостережение иностранному государству» [7. С. 271].

Дипломатически язык — язык закодированный: выражение *недружественный акт* имеет значение ‘угроза войны’; выражение *невозможность от-*

вечать за последствия имеет значение *‘намерение спровоцировать инцидент, который приведет к войне’*; выражение *правительство будет вынуждено позаботиться о своих собственных интересах* имеет значение *‘рассматривается вопрос о разрыве отношений’* [7. С. 271].

Дипломатический язык функционирует в различных жанрах дипломатической переписки — переписки государств, правительств, ведомств иностранных дел с соответствующими иностранными государствами, дипломатическими представительствами этих государств, международными организациями, дипломатических представительств между собой [8].

Документы дипломатической переписки могут быть посвящены как крупным, так и менее значительным международным проблемам, а также текущим вопросам дипломатической деятельности.

Среди существующих разновидностей документов дипломатической переписки наиболее распространенными являются нота, меморандум, личное послание, памятная записка, частное письмо.

Сложившиеся в международной практике правила применения различных документов дипломатической переписки не являются строго обязательными. Детально регламентируются технические требования составления документов: обозначение местонахождения адресата, его титулы, подпись послания, тип конверта и бумаги, на которой оно должно быть напечатано [9].

Выбор вида документа в зависимости от его цели и содержания определяет направляющая сторона, руководствуясь правилами дипломатической службы своей страны и дипломатического протокола и обычаев другого государства, а также учитывая, какую форму имеет послание, на которое требуется ответить [9].

По форме и техническому исполнению традиционные виды документов дипломатической переписки (личная нота, вербальная нота, памятная записка...) имеют общие или схожие элементы, выработанные в процессе длительной и единообразной практики общения государств: «Все документы дипломатической переписки носят официальный характер и состояются с соблюдением принятых в отношениях между государствами требований **такта**. В подавляющем большинстве обязательны протокольные формулы **вежливости и уважения**, которыми начинается и оканчивается текст» [9].

Тональность изложения в дипломатическом документе в зависимости от намерений отправителя может быть «либо ориентирована на то, чтобы придать посланию **не только деловитость, но и известную теплоту, дружественность**, либо, если это соответствует намерениям адресанта и целям предпринимаемого Демарша, — подчеркнуть **официальность, сухость обращения**» [9].

Существует устоявшаяся точка зрения, что в сравнении с другими книжными стилями официально-деловой стиль (и дипломатический язык как разновидность официально-делового стиля) является относительно устойчивым, замкнутым и консервативным. С течением времени он может подвергаться некоторым изменениям, но в целом такие специфические черты официально-делового стиля, как сухость, отсутствие эмоционально окрашенных слов, сдержанность сохраняются.

Однако в дипломатической практике случаются провалы, когда дипломатия либо не справляется со своей задачей, либо не ставит перед собой такую задачу — урегулировать, стабилизировать неблагоприятную политическую атмосферу.

Цель настоящей работы — определить, насколько язык дипломатической переписки как компонент официально-делового стиля подвержен изменениям, спровоцированным нестандартной политической ситуацией.

Материалом исследования послужили тексты из «Оранжевой книги» — сборника дипломатической переписки между враждующими странами перед началом Первой мировой войны [10]: телеграмма, переданная Австро-Венгерским Посланником Сербскому Правительству; нота, врученная Германским послом в Санкт-Петербурге Министру иностранных дел С.Д. Сазонову.

Рассматриваемые тексты в оригинале составлены на французском языке.

Стоит отметить, что до XVIII века всеобщим языком дипломатии в Европе был латинский. Но к середине XVIII века французский язык сменил латинский в роли официального дипломатического языка. С этого времени все переговоры и официальная переписка велись только на французском языке. Это продолжалось вплоть до ратификации Германией, Англией, Францией, Италией и Японией Версальского договора 10 января 1920 года, когда в области дипломатии английский язык был приравнен к французскому.

В работе анализируется перевод дипломатических текстов с французского языка на русский. Перевод всех рассматриваемых текстов достоверно передает содержание оригинала.

Адекватно оценить вектор происходящих в языке дипломатии трансформаций, обусловленных нестандартной политической ситуацией (состоянием войны), возможно только при условии достоверно установленных текстуальных и внетекстуальных границ смыслоформирующего контекста [11—13].

В XX веке мир стал свидетелем различных политических инцидентов на международной арене. Европейскому континенту, в частности, угрожал кризис регионального масштаба, который стремительно приобретал международный резонанс благодаря существовавшим в те времена державам, объединившимся в два основных лагеря: Тройственный союз (Германия, Италия, Австро-Венгрия) и Антанта (Россия, Англия, Франция). Последствия данного политического кризиса привели к кровопролитному конфликту — Первой мировой войне.

Причиной Первой мировой войны, начавшейся в 1914 году, послужило множество конфликтов и противоречий, возникших сначала между Англией и Германией из-за экономических, военно-морских и колониальных притязаний, затем — между Францией и Германией из-за отторгнутых у Франции районов Эльзаса и Лотарингии, а также из-за претензий Германии на колонии Франции в Африке.

Кульминацией событий стало совершенное в городе Сараево 15 июня 1914 года убийство наследника Австро-Венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены, в котором был обвинен член сербской националистической организации Гаврило Принцип.

Между Австро-Венгрией и Сербией разгорелся международный конфликт, в котором Россия стала поддерживать Сербию, а Германия приняла сторону Австро-Венгрии, вследствие чего Германия объявила войну России как ответный шаг на начавшуюся мобилизацию российских войск [14—17].

Учитывая основную функцию дипломатии — не допускать нарастания напряженности в международных отношениях, было бы справедливым предположение, что вектор трансформации языка дипломатических документов в ситуации политического кризиса будет направлен к еще большей — предельной — сдержанности.

Однако, как будет показано в следующей части работы, конфликтная обстановка между странами Антанты и Тройственного союза проявилась даже на уровне дипломатической переписки.

1. Нарушение основополагающего принципа равенства сторон в дипломатическом общении

Проанализируем текст телеграммы, переданной австро-венгерским посланником сербскому правительству 10 июля 1914 года в Белграде. Перевод телеграммы на русский язык соответствует оригиналу, написанному на французском языке.

Рассматриваемый текст дипломатического документа идет вразрез с общепризнанными характеристиками языка дипломатии: «Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, в котором содержались столь унижительные требования, что Сербия заведомо должна была их отклонить» [17. С. 425].

Переданная телеграмма демонстрирует враждебный настрой австро-венгерского правительства к Сербии.

В начале текста присутствует характерный для дипломатического языка эвфемизм: *прискорбное событие 15 июня* = 'убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены', но затем высокая степень враждебности материализуется в серии обвинений в адрес Сербии:

- (1) *...история последних лет и в частности прискорбное событие 15 июня доказали существование в Сербии революционного движения, имеющего целью отторгнуть от австро-венгерской монархии некоторые части ее территории* (здесь и далее цит. по [10. С. 60—61]);
- (2) *Движение это, зародившееся на глазах у сербского правительства, ... дошло до того, что стало проявляться за пределами территории королевства в актах терроризма, в серии покушений и в убийствах;*
- (3) *Королевское сербское правительство не только не выполнило формальных обязательств, заключающихся в декларации 18 (31) марта 1909 г., но даже не приняло никаких мер, чтобы подавить это движение;*
- (4) *Оно допускало преступную деятельность различных обществ и организаций, направленную против монархии, распушенный тон в печати, прославление виновников покушения, участие офицеров и чиновников в революционных выступлениях, вредную пропаганду в учебных заведениях...;*

(5) ...оно **допускает все манифестации, которые могли возбудить в сербском населении ненависть к монархии и презрение к ее установлениям;**

(6) **эта преступная терпимость королевского сербского правительства не прекратилась даже в момент, когда события 15 прошлого июня показали всему миру ее прискорбные последствия;**

(7) ...сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками, входящими в состав народной одобрания, и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы.

В телеграмме наблюдаются признаки, с одной стороны, административно-канцелярского стиля, проявляющиеся в использовании характерных для распоряжения или приказа побудительных предложений с инфинитивом, выступающим в значении повелительного наклонения:

(1) **Королевское правительство... обязуется:**

(2) **Не допускать никакие публикации, возбуждающие ненависть и презрение к монархии и проникнутые общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности;**

(3) **Немедленно закрыть общество, называемое «Народная Одобрана»;**

(4) **Конфисковать все средства пропаганды этого общества;**

(5) **Принять те же меры против других обществ и учреждений в Сербии, занимающихся пропагандой против австро-венгерской монархии;**

(6) **Незамедлительно исключить из действующих в Сербии программ учебных заведений, как в отношении личного состава учащихся, так и в отношении способов обучения все, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии;**

(7) **Удалить с военной и административной службы вообще всех офицеров и должностных лиц, виновных по отношению к австро-венгерской монархии;**

(8) **Допустить сотрудничество в Сербии австро-венгерских органов в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной неприкосновенности монархии;**

(9) **Произвести судебное расследование против участников заговора 15 июня, находящихся на сербской территории...;**

(10) **Срочно арестовать коменданта Воя Танкесича и некоего Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированного результатами сараевского расследования;**

(11) **Принять действительные меры к воспрепятствованию оказания содействия сербскими властями в незаконной торговле оружием и взрывчатыми веществами...;**

(12) **...уволить и подвергнуть также суровому наказанию чинов пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в том, что оказали содей-**

ствие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу;

(13) **Дать австро-венгерскому правительству объяснение по поводу...**;

(14) **Без замедления уведомить австро-венгерское правительство об осуществлении указанных в предыдущих пунктах мер.**

А с другой стороны, — специальные условные формулировки, характерные для дипломатического языка:

(1) **Австро-венгерское правительство находится вынужденным просить...**;

(2) **Королевское правительство оставляет за собой право...**;

(3) **Указанные результаты расследования не позволяют австро-венгерскому правительству сохранять более то выжидательное и терпеливое положение, которое оно занимало в течение ряда лет;**

(4) **Эти результаты, напротив, возлагают на него обязанность положить конец пропаганде, являющейся постоянной угрозой для спокойствия монархии.**

Являясь средством выражения **суверенной воли одного субъекта** международного права **по отношению к другому субъекту**, дипломатический документ должен отвечать элементарным требованиям вежливости [6]. Однако в данном случае мы видим, что Австро-Венгрия рассматривает Сербию не как равноправного партнера, а, напротив, как своего подчиненного, к которому предъявляет требования в самой категорической и унижительной форме:

(1) **Австро-венгерское правительство... просить сербское правительство официально заявить, что:**

(2) **Оно (сербское правительство) осуждает пропаганду, направленную против австро-венгерской монархии;**

(3) **Оно (сербское правительство) обязуется принять все меры для подавления этой преступной и террористической пропаганды;**

(4) **...просить придать особо торжественный характер этому обязательству;**

(5) **...просить королевское сербское правительство опубликовать на первой странице официального органа от 26(13) июля заявление;**

(6) **...просить королевское сербское правительство осудить пропаганду, направленную против Австро-Венгрии;**

(7) **...просить королевское сербское правительство искренно сожалеть о прискорбных последствиях этих преступных действий;**

(8) **...просить королевское сербское правительство принимать самые суровые меры против лиц, виновных в подобных действиях;**

(9) **...просить немедленно объявить это заявление войскам приказом Его Величества Короля по армии и опубликовать в официальном военном органе.**

Более того, Австро-Венгрия обращается к Сербии языком ультиматума:

– **Немедленно объявить...**;

– **Срочно арестовать...**;

- **Без замедления уведомить...**;
- **Незамедлительно исключить из...**;
- **Немедленно закрыть...**;
- **Конфисковать все средства пропаганды...**;
- **Удалить с военной и административной службы...**;
- **Уволить и подвергнуть суровому наказанию...**;
- **Не допускать никакие публикации...**

Австро-венгерское правительство повышает степень ультимативности своего сообщения, назначив точную дату и время для ответа Сербии: **«Австро-венгерское правительство ожидает ответа королевского правительства до 6 часов вечера в субботу 12(25) текущего месяца».**

Нетерпимая позиция австро-венгерского руководства по отношению к Сербии подчеркивается в телеграмме употреблением повторов с усилением: **Немедленно... — Без замедления... — Незамедлительно... — Срочно...; Осуждать пропаганду — Сербия допускала вредную пропаганду; ...допускать преступную деятельность против Монархии — Преступная терпимость королевского сербского правительства — Из показаний и признаний виновников преступного покушения... — ...переезд преступников с оружием; Сербия революционного движения... — Подавить это движение — Движение, зародившееся на глазах у сербского правительства; ...стало проявляться... в актах терроризма — ...стало проявляться в серии покушений и в убийствах — ...покушение 15 июня — ...сараевское убийство... — ...были снабжены убийцы.**

Рассмотренный текст дипломатической телеграммы, написанной в период резкого обострения международного конфликта, демонстрирует, что неблагоприятная политическая ситуация может спровоцировать трансформации дипломатического языка не только на уровне проявления/непроявления такта и вежливости по отношению к **равному** политическому партнеру, но и в отступлении от самого принципа равноправия сторон, когда отношения между государствами переводятся из плоскости субъектно-субъектных в плоскость субъектно-объектных.

2. Нарушение принципа объективности освещения событий в дипломатической переписке

19 июля 1914 года в 7 часов 10 минут вечера Посол Германии в России Ф. Пурталесь передал дипломатическую ноту Министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову.

Рассматриваемый документ был составлен на французском языке. Перевод с французского языка на русский осуществлен корректно. Русскоязычный текст по содержанию полностью соответствует оригиналу (текст приведен по [10. С. 63]). Сравним (Табл. 1):

Нота, врученная Германским Послом в Санкт-Петербурге Министру иностранных дел 19 июля 1914 года в 7 часов 10 минут вечера /**Note delivered by the German Ambassador in St. Petersburg to the Minister of Foreign Affairs on July 19, 1914 at 7.10 p.m.**

<p>Le gouvernement impérial s'est efforsé dès les débuts de la crise de la mener à une solution pacifique. Se rendant à un désir qui lui en avait été exprimé par Sa Majesté l'Empereur de Russie, Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne d'accord avec l'Angleterre s'était appliqué à accomplir un rôle médiateur auprès des Cabinets de Vienne et de St. Pétersbourg, lorsque la Russie, sans en attendre le résultat, procéda à la mobilisation de la totalité de ses forces de terre et de mer. A la suite de cette mesure menaçante motivée par aucun présage militaire de la part de l'Allemagne. L'Empire Allemand s'est trouvé vis-à-vis d'un danger grave et imminent. Si le Gouvernement impérial eut manqué de parer à ce péril, il aurait compromis la sécurité et l'existence même de l'Allemagne. Par conséquent le Gouvernement Allemand se vit forcé de s'adresser au Gouvernement de Sa Majesté l'Empereur de toute la Russie en insistant sur la cessation des dits actes militaires. La Russie ayant refusé de faire droit à (n'ayant pas cru devoir répondre à) cette demande et ayant manifesté par ce refus (cette attitude) que son action était dirigée contre l'Allemagne, j'ai l'honneur, d'ordre de mon Gouvernement, de faire savoir à Votre Excellence ce qui suit: Sa Majesté l'Empereur Mon Auguste Souverain au nom de l'Empire, relevant le défi se considère en état de guerre avec la Russie.</p> <p>St. Pétersbourg, le 19 juillet/1 Aout 1914. (signé) F. Pourtalés</p>	<p>Императорское Правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу по желанию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским. Его Величество Император Германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между Венским и Петербургским Кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, Германская империя оказалась перед серьезной непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло меры к предотвращению этой опасности, это подорвало бы безопасность и само существование Германии. Германское Правительство поэтому нашло вынужденным обратиться к Правительству Его Величества Императора Всероссийского, настаивая на прекращении упомянутых военных мер. Ввиду того, что Россия отказалась (не нашла нужным ответить на) удовлетворить это положение и высказала этим отказом (принятым положением), что ее выставление направлено против Германии, я имею честь, по приказанию моего правительства, сообщить Вашему превосходительству нижеследующее: Его Величество Император, мой Августейший Повелитель от имени Империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией.</p> <p>С.-Петербург. 19 июля 1914 года (подп.) Ф. Пурталесъ</p>
--	---

Корреспонденция между германским послом и министром иностранных дел Российской империи на момент составления данного текста осуществлялась на официальном уровне в рамках межгосударственной переписки. Поэтому адресант здесь выступает от имени государственных, официальных органов власти, а также от имени правителя Германской империи.

Текст ноты внешне соответствует требованиям, предъявляемым к дипломатическим документам. Немецким послом строго соблюдаются этикетные клише, наименования или протокольные титулы:

– наименование российского императора Николая II: *Его Величество Император Всероссийский*;

– наименование императора Германии: *Его Величество Император Германский, мой Августейший Повелитель*;

– наименование правительства Российской империи, самого министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова: **Правительство Его Величества Императора Всероссийского, Ваше превосходительство;**

– наименование германского правительства: **Германское Правительство, Императорское Правительство.**

Однако, несмотря на соблюдение формальных требований при составлении дипломатического документа, в риторике говорящего отчетливо проявляется субъективность в интерпретации событий, предвзятое отношение и даже определенная степень враждебности по отношению к России. Подтверждением этому служит употребление в тексте повторов с усилением: **Императорское правительство старалось... — Его Величество Император Германский...прилагал старания...; предотвращение этой опасности... — это подорвало бы безопасность и само существование Германии.**

В контексте данного дипломатического документа использование повторов указывает на то, что германское правительство не было заинтересовано в мире с Петербургом, а было настроено на военную конфронтацию. При этом причастность Германии к обострению конфликта минимизируется:

(1) **Императорское правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению;**

(2) **...идя навстречу желанию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским;**

(3) **Его Величество Император Германский прилагал старания к осуществлению роли посредника между Венским и Петербургским Кабинетами.**

Параллельно германское правительство возлагает всю ответственность за развязывание войны на Россию:

(1) **Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил;**

(2) **Россия отказалась (не нашла нужным ответить на) удовлетворить это положение (ультиматум, выдвинутый Германией в связи с началом военных маневров российскими войсками) и высказала этим отказом (принятым положением), что ее выставление направлено против Германии.**

В тексте фокус внимания перемещается на то, что Германия была вынуждена ответить России и защитить территориальную целостность своего государства от серьезной угрозы, которую Российская империя как бы представляла:

(1) **Германская империя оказалась перед серьезной непосредственной опасностью;**

(2) **Если бы Императорское Правительство не приняло меры к предотвращению этой опасности, это подорвало бы безопасность и само существование Германии;**

(3) **Германское Правительство нашло вынужденным обратиться к Правительству Его Величества Императора Всероссийского, настаивая на прекращении упомянутых военных мер;**

(4) **...Россия отказалась удовлетворить...**

Донесение немецкого посла министру иностранных дел Российской империи изменяло классическую хронологию объявления войны. Если раньше страны предъявляли своим соперникам претензии в течение определенного времени до начала боевых действий, то здесь сценарий событий разворачивается иначе.

Германская сторона потребовала от Российской империи незамедлительно прекращения военных маневров, которые якобы представляли серьезную угрозу для ее безопасности и территориальной целостности, но в это же время уже звучал призыв о мобилизации германских вооруженных сил.

В тексте формируются образы России и Германии:

– Россия представлена как агрессор, у которого имеется каверзный план против Германии;

– Германия представлена как пострадавшая от агрессии Российской империи после того, как она изъявила свое желание служить посредником между двумя империями — Австро-Венгрией и Россией.

В письме употребляется также эвфемизм выражения «*объявлять войну*»: *...принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией.*

Такой прием маскирует истинный смысл высказывания, чтобы смягчить негативные ассоциации и оказать таким образом воздействие на общественное мнение. Используя данный прием, немецкий дипломат, вопреки действительному положению вещей, представляет свою страну в роли жертвы, которая оказалась под давлением и не могла поступить иначе, кроме как объявить войну Российской империи.

Дипломатия как публичная деятельность отличается мастерством вербальной и невербальной коммуникации. Причем это мастерство проявляется как в стандартной, так и в нестандартной политической ситуации.

Дипломатические ноты обычно сохраняют формальный и дистанционный характер, необходимый для сохранения гармонии межгосударственных отношений. Тем не менее, в этих текстах, как показывает проведенный анализ, наблюдается искаженное отражение сложившейся ситуации, когда антагонистические позиции государств и их субъективные взгляды маскируются рациональными аргументами.

Заключение

Анализ текстов дипломатической переписки стран, находящихся в состоянии войны, позволил установить вектор трансформации языка дипломатии, обусловленной неблагоприятной политической ситуацией: от сдержанности, безэмоциональности, такта и вежливости к открытому проявлению эмоций, прямым оценкам, ультимативности, несоблюдению требований такта и вежливости и нарушению основополагающего принципа дипломатической коммуникации — равенства участвующих в международной политической деятельности сторон. Также происходит нарушение принципа объективного освещения событий и смещение языка дипломатической коммуникации в сторону субъективной интерпретации происходящего.

Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют о том, что характерные черты языка дипломатии (сухость, сдержанность, безэмоциональность) не являются абсолютными и могут изменяться, при этом затрудняя (или делая невозможным) выполнение языком дипломатии своей прямой функции — урегулирования сложной международной ситуации.

Библиографический список

1. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011.
2. Андреева А.Н. Стилистика: Учеб. пособие. Новосибирск, 2004.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград: Перемена, 2000.
4. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.
5. Энциклопедия права. Режим доступа: https://encyclopediya_prava.academic.ru/1680/ (дата обращения: 28.12.2019).
6. Юридический словарь / гл. ред. С.Н. Братусь. М.: Госюриздат, 1953.
7. Никольсон Г. Дипломатический язык // Камбон Ж. Дипломат., Никольсон Г. Дипломатия. М.: Научная книга, 2006.
8. Юридическая энциклопедия. Режим доступа: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/2703/ (дата обращения: 25.12.2019).
9. Волосов М.Е. Дипломатическая переписка // Энциклопедия юриста. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/579/ (дата обращения: 25.12.2019).
10. Оранжевая книга (до войны), сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 года. Высочайшие манифесты о войне. Историческое значение Государственной думы 26 июля 1914 г. СПб, 1914.
11. Валентинова О.И. Обоснование причинной типологии текстов. Постановка проблемы и пути ее решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. по 2. С. 29—35.
12. Валентинова О.И. Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформации. Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. по 3. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 109—118.
13. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
14. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959.
15. Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневников (1914—1919). М., 1944.
16. Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. М., 1964.
17. Артемов В.В. Дом Романовых. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.

References

1. Zherebilo, T.V. (2011). *Terms and concepts of linguistics: General linguistics. Sociolinguistics: Dictionary*. Nazran: Pilgrim LLC. (In Russ.).
2. Andreeva, A.N. (2004). *Stylistics: Textbook*. Novosibirsk. (In Russ.).
3. Sheigal, E.I. (2000). *The Semiotics of Political Discourse: Monograph*. Volgograd: Change publ. (In Russ.).

4. Dictionary of sociolinguistic terms (2006). V.Yu. Mikhilchenko (Ed.). Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Russian Academy of Linguistic Sciences. (In Russ.).
5. Encyclopedia of Law. URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/1680/ (accessed: 28.12.2019). (In Russ.).
6. Law Dictionary (1953). S.N. Bratus (Ed.). Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.).
7. Nicolson, H. (2006). *Diplomatic language*. Cambon, J. Le Diplomat, Nicolson, H. Diplomacy. Moscow: Nauchnaya Kniga publ. (In Russ.).
8. Legal Encyclopedia. URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/2703/ (accessed: 25.12.2019). (In Russ.).
9. Volosov, M.E. Diplomatic correspondence In *Law Encyclopedia*. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/579/ (accessed: 25.12.2019). (In Russ.).
10. The Orange Book (before the war), a collection of diplomatic documents (1914). Negotiations from July 10 to July 24, 1914. The highest manifestos of war. The historical significance of the State Duma on July 26, 1914. St. Petersburg. (In Russ.).
11. Valentinova, O.I. (2015). Justification of causal typology of texts. Statement of the problem and its solutions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 29—35. (In Russ.).
12. Valentinova, O.I. (2016). Archetypal features of the medieval theological text and their transformation. *Russian Journal of Cognitive linguistics*, 3, 109—118. (In Russ.).
13. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrezhansky, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). *System view as the basis of philological thought*. Moscow: Izdatelsky dom YaSK. (In Russ.).
14. Soloviev, Yu.Ya (1959). *Memoirs of a diplomat*. Moscow. (In Russ.).
15. Aldrovandi Marescotti, L. (1944). *The Diplomatic War. Memoirs and excerpts from diaries (1914—1919)*. Moscow. (In Russ.).
16. Hayrapetyan, M.E. & Kabanov, P.F. (1964). *The First World Imperialist War of 1914—1918*. Moscow. (In Russ.).
17. Artemov, V.V. (2012). *House of the Romanovs*. Moscow: OLMA Media Group publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Медведев Евгений Юрьевич, кандидат филологических наук, ассистент-профессор кафедры языков Международного университета информационных технологий (Казахстан, Алматы); *сфера научных интересов*: лингвистическая семантика, филологическая герменевтика, системный подход к исследованию текстов; *e-mail*: eugene_medvedev@mail.ru.

Нциву Батиакко Лозэн Дюборжель, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: исследование специфики дипломатического языка и его трансформаций в условиях политического кризиса; *e-mail*: ntsiwou@yandex.ru.

Information about the authors:

Yevgeniy Yu. Medvedev, Ph.D., Assistant Professor at the Languages Department, International Information Technology University (Kazakhstan, Almaty). *Research interests*: Linguistic semantics, Philological hermeneutics, Systematic approach to the study of texts; *e-mail*: eugene_medvedev@mail.ru.

Ntsiwou Batiako Lauzin Duborgel, Ph.D. student of the Department of General and Russian Linguistics, RUDN University (Russia, Moscow). *Research interests*: Study of the particularity of the diplomatic language, specifics and transformations of the diplomatic language in the context of a political crisis; *e-mail*: ntsiwou@yandex.ru.